

280517

К $\frac{9}{10}$ Н
Ю-908.

ПРИВОЛЖСКІЕ КОЛОНИСТЫ.

(По поводу закона 2 февраля 1915 г.)

„Я желаю, чтобы бѣдные сіи люди, перемѣнивъ отвѣство, нашли всевозможныя пособія и не подвергались тѣмъ тяжкимъ испытаніямъ, кои ожидали прежде наши колонисты“.

Изъ Указа Императора
Александра I отъ 17 апрѣля 1809 г.
(1 тл. Собр. Закон. № 2638)

К. Ф. Юстусъ

поселенникъ-собственникъ Саратовской губ.

ПЕЧАТЬ

Въ типографіи редакціи В. В. Рабига, г. Саратовъ.

1917.

К $\frac{9}{10-908}$

34

ПРИВОЛЖСКІЕ КОЛОНИСТЫ.

(По поводу закона 2 февраля 1915 г.).

„Я желаю, чтобы бѣдные сіи люди, перемѣнивъ отечество, нашли всевозможныя пособія и не подвергались тѣмъ тяжкимъ испытаніямъ, кои ощущали первые наши колонисты“.

Изъ Указа Императора
Александра I отъ 17 апрѣля 1803 г.
(Полн. Собр. Закон. № 20988).

К. Ф. Юстусъ

поселянинъ-собственникъ Саратовской губерніи.

САРАТОВЪ.
Электро-Типо-Литографія Б. Л. Рабиновичъ.
1917.

Мѣропріятія, ограничивающія права лицъ предусмотрѣнныхъ закономъ 2 февраля 1915 года, и законоположенія о такъ называемомъ пѣмецкомъ засильѣ вообще,—совершенно неожиданно затронули матеріальные и личные интересы приволжскихъ поселянъ-собственниковъ (бывшихъ колонистовъ), которые по буквальному толкованію новаго закона не изъяты изъ общаго числа лицъ, подлежащихъ ограниченію въ правахъ въ виду своего происхожденія отъ выходцевъ изъ Германіи или Австріи въ отдаленномъ прошломъ.

Нѣмцы—колонисты Саратовской и Самарской губерній, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ труды авторитетныхъ изслѣдователей исторіи колонизаціи Средняго Поволжья (Профессоръ Линдеманъ: „о законахъ 2 февраля и 13 декабря 1915 года“, Григорій Писаревскій: „Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ 18 вѣкѣ“, по изданію Московскаго Археологическаго Института) и какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ документовъ Московскаго Главнаго Архива М. Вн. Дѣлъ, Архива Министерства Земледѣлія и Государ. Имущ. въ Петроградѣ и Архива Саратовской конторы иностранныхъ поселенцевъ, хранящагося при Саратовскомъ Губернскомъ Правленіи,—не случайные пришельцы, или непрошенные обыватели. Они были **вызваны** въ Россію изъ западныхъ государствъ Манифестомъ Императрицы Екатерины Второй въ 1763 году (Полное собраніе законовъ №№ 11879 и 11880) и „по особому реестру свободныхъ празднолежащихъ удобныхъ земель“—имъ были даны къ заселенію земли, расположенныя преи-

мущественно по обоимъ берегамъ р. Волги, близъ города Саратова. Обѣщанныя царской грамотой льготы и энергичная дѣятельность агентовъ русскаго правительства за границей возымѣли свое дѣйствіе и колонисты широкой волной хлынули въ невѣдомую имъ страну. Тяжелыя условія переѣзда, непривычный режимъ новой родины, суровый климатъ страны, голодъ, болѣзни, условія жизни незаселенныхъ окраинъ тогдашней Россіи—все это отмѣчено въ трудахъ того же Гр. Писаревскаго, Клаусъ: „Наши колоніи“, Bauer: „Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga, Я. Е. Дицъ: „Исторія Поволжскихъ нѣмцевъ-колонистовъ“, Beratz: „Die deutschen Kolonisten an der Wolga и др. и добавлять къ тому, что съ такой правдивой оцѣнкой уже сказано, едва ли представляется нужнымъ.

Водворенные на безлюдныхъ окраинахъ, колонисты не успѣли окрѣпить матеріально, какъ имъ пришлось вынести на своихъ плечахъ тягости борьбы съ кочевниками и дикими ордами, заполнявшими Уральскія и Астраханскія степи и дѣсятки лѣтъ принимать на себя удары разорительныхъ набѣговъ необузданныхъ полчищъ киргизовъ и калмыковъ.

Черезъ нѣмецкія колоніи прослѣдовали со всеми ужасами разгрома и убійствъ Пугачевскія банды головорѣзовъ.

Вмѣсто обѣщаннаго благосостоянія колонисты терпѣли нужду и лишения.

Проходили долгія годы испытанія.

Давно забыли колонисты оставленную ими когда-то родину. Не помнятъ и не хотятъ знать выходцевъ 18 столѣтія и за границей.

Безчисленными жертвами людей, упорнымъ трудомъ, выносливостью и терпѣніемъ купили себѣ колонисты право обрабатывать ту землю, которая дарована имъ въ **собственность** полтора вѣка тому назадъ.

Императоръ Александръ Второй Высочайшимъ указомъ 4/16 іюня 1871 года присоединилъ колонистовъ къ общей семьѣ русскихъ подданныхъ и даро-

валъ имъ равныя съ кореннымъ населеніемъ права; колонистовъ нѣмцевъ не стало, ихъ повелѣно именовать поселянами-собственниками; не стало пришельцевъ съ запада—стали и есть русскіе подданные изъ поселянъ собственниковъ, происхожденіе и національность которыхъ есть только одна изъ многихъ страницъ исторіи возникновенія и образованія Россійскаго Государства съ его разнообразнымъ и многомилліоннымъ населеніемъ.

Такъ хотѣли думать нѣмцы колонисты Поволжья, такъ смотрѣло на нихъ правительство, власти.

Вторая отечественная война, такъ безжалостно низвергающая въ своихъ ужасахъ общее право, установленный порядокъ и укладъ жизни цѣлыхъ народовъ, поколебала узаконенный принципъ равноправія и для тѣхъ русскихъ подданныхъ, кто имѣлъ въ числѣ своихъ предковъ выходцевъ изъ Германіи или Австріи. Въ порядкѣ ст. 87 изданъ законъ 2 февраля 1915 (съ дополненіемъ къ нему 13 декабря), поставившій приволжскихъ нѣмцевъ-колонистовъ въ положеніе чужихъ и чуждыхъ Россіи гражданъ. Хотятъ ли забыть полутора вѣковое спокойное пребываніе въ странѣ, безпримѣрную вѣрность престолу и родинѣ, честное исполненіе долга подданныхъ, героизмъ, проявленное въ рядахъ русской арміи турецкой компаніи и японской войны. Не хотятъ видѣть тѣсячъ нѣмцевъ-колонистовъ, искалѣченныхъ нынѣшней войной въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, плечо въ плечо съ русскимъ солдатомъ оборонявшихъ честь и славу своей родины; закрываютъ глаза на героизмъ и выносливость нѣмцевъ-колонистовъ, взявшихъ не такъ давно неприступный Эрзерумъ...

Нѣмцевъ-колонистовъ огульно и незаслуженно обвиняютъ въ ихъ приверженности къ Германіи и Австріи, съ которыми у нихъ безконечно давно общаго не больше, какъ у потомковъ тѣхъ подданныхъ Карла XII или Наполеона I, что пришли въ Россію насильственно и, обосновавшись здѣсь навсегда, получили затѣмъ всѣ права русскихъ гражданъ.

Съ непонятной жестокостью клеймятъ позорнымъ именемъ предателя, шпіона, измѣнника стариковъ отцовъ, сыны которыхъ умираютъ героями подъ знаменами русской арміи.

Припоминаютъ прошлое въ прошломъ, забываютъ настоящее и не признаютъ заслуженнаго въ будущемъ...

Ограниченіе приволжскихъ колонистовъ въ ихъ правахъ русскихъ подданныхъ и причины, вызывающія такія ограниченія, хотятъ объяснить актомъ государственной необходимости, подсказанной чувствомъ справедливости къ коренному рускому населенію, и соображеніями политической цѣлесообразности. Такъ ли это? Мы постараемся дальше доказать, что экономическое положеніе приволжскихъ колонистовъ въ смыслѣ надѣленія землей, ихъ готовность нести передъ государствомъ все обязанности, ихъ всегдашняя лояльность не требовали исключительныхъ законовъ и не вызывали к-л. репрессій.

Не хочется вѣрить тому, что законъ 2 февраля 1915 года есть актъ возмездія, наказаніе за то, что приволжскіе нѣмцы колонисты въ четвертомъ или пятомъ поколѣніи своихъ восходящихъ имѣли лицъ, принадлежавшихъ къ подданнымъ воюющихъ нынѣ съ Россіей государствъ; за то, что нынѣшніе враги Россіи исповѣдуютъ одну религію съ колонистами Поволжья и говорятъ на языкѣ, не забытомъ еще колонистами; за то, что общая національность (по происхожденію) съ подданными Германіи и Австріи есть наследственность, которую можно вспомнить и черезъ тысячу лѣтъ, отъ которой нельзя избавиться уже потому, что даже самый честный вѣрно-подданный Россіи лишенъ возможности избирать своихъ предковъ. Почему гражданинъ Россіи, имѣвшій предкомъ нѣмца, долженъ быть похожъ на того нѣмца, что родился и воспитанъ въ странѣ, съ которой утрачена нынѣ и связь и общеніе. Гдѣ доказательства тому, что историческія событія и условія государственной жизни Германіи и Австріи за истекшія 150 лѣтъ коснулись нѣмцевъ Поволжья?

Нѣтъ ли болѣе данныхъ утверждать, что поселене собственники Самарской и Саратовской губерній,—были и остались мирными землепашцами, труженниками-работниками, озабоченными только жизнью и интересами Россіи и для которыхъ Германская имперія невѣдомая страна, отошедшая давно въ область воспоминаній стариковъ?

Лица, усматривающія необходимость закона 2 февраля 1915 года и желающія примѣнить его къ поволжскимъ нѣмцамъ-колонистамъ, выдвигаютъ противъ послѣднихъ, какъ аргументъ, слѣдующія обвиненія:

1) Приволжскіе колонисты, говорятъ они, въ теченіи полутора ста лѣтъ пребыванія въ Россіи стоятъ обособленно отъ коренного населенія, не знаютъ до сихъ поръ русскаго языка и заняты исключительно своими интересами, не выходящими за предѣлы даннаго села или волости съ нѣмецкимъ населеніемъ.

2) Вслѣдствіе этихъ особенностей нѣмцы-колонисты охотно эмигрируютъ за границу, въ частности въ Америку, куда стремятся преимущественно молодые люди, желающіе избавиться отъ воинской повинности.

3) Не связанные съ Россіей сознаниемъ единства родины, чуждые патріотизма, колонисты охотно сдаются въ добровольный плѣнъ и занимаются шпіонствомъ въ пользу воюющихъ съ Россіей государствъ.

и 4) Нѣмцы-колонисты за счетъ коренного населенія захватили лучшую и большую часть земли въ уѣздахъ Самарской и Саратовской губерній, тогда какъ земельные налоги вносятъ неаккуратно, увеличивая %/о числящейся по губерніи недоимки.

Таковы въ главныхъ чертахъ обвиненія, которыя слышатся за послѣднее время по адресу нѣмцевъ-колонистовъ Самарской и Саратовской губерній въ литературѣ и съ думской трибуны, отъ мелкихъ чиновниковъ и высшихъ представителей власти (рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ кн. Щербатова въ Госуд. Думѣ), среди обывателей и въ сферахъ пра-

вительства. Объективное изслѣдованіе затронутого вопроса, спокойная, безъ предвзятого намѣренія, оцѣнка фактовъ должна рушить сомнительные улики составленнаго ad hoc обвинительнаго акта, исходящаго отъ прокуроровъ-добровольцевъ и прокуроровъ ex officio.

Такъ какъ обвиненіе въ захватѣ нѣмцами-колонистами большей и лучшей земли ставится обычно въ красную строку, то съ него и приходится начать.

Какъ, когда и сколько земли получили и имѣли получить колонисты, проживающіе нынѣ въ Среднемъ Поволжьѣ?

Въ 1763 году Манифестомъ Императрицы Екатерины Второй колонистамъ было обѣщано нужное количество земли, пособіе на обустройство и субсидія на оборудованіе заводовъ, мастерскихъ и пр. и вообще „всякое вспоможеніе и удовольствіе“. Они освобождались на 30 лѣтъ отъ уплаты к-л. земельныхъ повинностей и въ теченіи 10 лѣтъ отъ платежа внутренней, портовой и пограничной пошлины и г. д.

По прибытіи въ Россію колонисты селились на заранѣе указанныхъ имъ участкахъ.

Участки эти были намѣчены въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ нынѣшней Самарской губерніи (полное собраніе законовъ № 11881). Указомъ 19 марта 1764 года (П. С. З. № 12095) надѣлы были отвѣдены и въ уѣздахъ Саратовской губерніи и тогда же были выработаны правила заселенія „праздныхъ мѣстъ Поволжья“, при чемъ на каждую семью опредѣленъ былъ надѣлъ въ 30 десятинъ. За періодъ времени съ 1763 по 1773 года выѣхало въ Россію 23404 души. По свѣдѣніямъ Саратовской Конторы Опекунства Иностранныхъ къ 1 января 1773 года въ 104 колоніяхъ состояло 6174 семьи, составлявшихъ 25781 душу обоюго пола (См. дѣло объ открытіи Конторы Опекунства Иностранныхъ въ 1797 году, хранящееся въ Архивѣ Саратов. Губерн. Правленія и П. С. З. № 18021).

Высочайшимъ Указомъ отъ 8 декабря 1765 года было повелѣно: „обмежеваніе земель подъ населеніе

иностранныхъ производить, а помѣщикамъ не только оставить всю написанную въ крѣпость и въ дачахъ мѣру, но прибавить земель по 15 десятинъ на душу. При фактическомъ отмежеваніи земли колонистамъ выяснилось, что въ праздныхъ мѣстахъ, назначенныхъ къ отводу, около милліона десятинъ принадлежить уже гофмейстершѣ Парышкиной, какъ Высочайше пожалованныхъ. Съ этого неожиданнаго казуса началось надѣленіе колонистовъ землей. Только въ 1800 году это щекотливое дѣло было улажено: семья Нарышкиныхъ получила въ другихъ казенныхъ и свободныхъ земляхъ эквивалентъ—255464 десятины одной удобной земли....

Надѣленіе землей по семьямъ (а не по количеству душъ) вызвало въ самомъ началѣ неурядицу. Первоначально, когда семей было немного, земли было достаточно, но съ появленіемъ т. н. прибылыхъ семей, 30 десятинной пропорціи не хватало и пришлось перейти отъ подворнаго владѣнія къ землепользованію по наличнымъ мужскимъ душамъ.

Всеувеличивающееся населеніе колоній терпѣло большую нужду въ землѣ и многія колоніи снимали изъ оброка сосѣднія казенныя земли. Недостатокъ земли и неравномѣрное распредѣленіе ея по колоніямъ вызывали жалобы и ходатайства о скорѣйшемъ надѣленіи предположенной къ отводу земли.

По Высочайшему указу 4 декабря 1797 года (П. С. З. № 18263) надѣленіе землею по семьямъ было прекращено, и надѣлы отводились по 20 десятинъ на каждую душу согласно послѣдней переписи (пятой ревизіи).

Эти назначенныя 20 десятинъ на душу **никогда** колонистамъ даны не были.

Десятилѣтіями тянулись разорительныя для колонистовъ тяжбы о земляхъ, отнятыхъ и отнимаемыхъ у нихъ помѣщиками и крестьянскими обществами. Ревизія тайнаго совѣтника Габлицъ въ 1802 году создала уголовныя дѣла противъ цѣлой группы чиновниковъ по обвиненію „въ неисправномъ поведеніи“, но не дала колонистамъ обѣщаннаго земельного

надѣла. Потребовалось вмѣшательство Министра Внутреннихъ Дѣлъ, посылавшаго строжайшіе указы о неукоснительномъ исполненіи распоряженія объ отводѣ колонистамъ земли. Дѣло о размежеваніи земель (по Камышинскому уѣзду) доходило до Правительствующаго Сената, гдѣ пролежало 48 лѣтъ и только по Высочайшему указу отъ 14 января 1875 г. повелѣно было наконецъ „землю колонистамъ отвести въ законныхъ и подлежащихъ прежнимъ указамъ пропорціяхъ“. Однако и послѣ этого категорическаго предписанія колонисты земли не получили, т. к. по 2 прим. къ ст. 16 Правиль объ устройствѣ пос.-соб. 4 іюня 1871 года земля, оставшаяся незаселенной, сдѣлалась казенной и на долю колонистовъ земли свободной для размежеванія не оказалось.

Въ 1802 году отошедшія колонистамъ по межеванію такъ называемыя опекунскія дачи составляли площадь въ 365217 десятинъ земли (179342 удобной и 185875 неудобной) и согласно 5 ревизіи 1798 года распредѣлялась между 19794 душами, — иными словами, если принять въ расчетъ неудобную для нуждъ земледѣльцевъ землю, колонисты не получили и половины того, что значилось на бумагѣ.

По Высочайшему указу 12 марта 1840 года (П. С. З. № 13255) было признано справедливымъ дать дополнительные надѣлы и надѣленіе земель довести до 15 десятинъ на каждую наличную душу согласно 8 ревизіи 1834 года.

Недостающую землю рѣшено было дать изъ свободныхъ казенныхъ участковъ Новоузенскаго уѣзда Самарской губерніи изъ земель Эльтонскаго Солевознаго Тракта. Только въ 1859 году окончился „отводъ“ дополнительныхъ надѣловъ колоніямъ, отстоящимъ иногда по своему географическому положенію на разстояніи 250 верстъ отъ коренной колоніи. Понятно, что фактическое обрабатываніе такихъ надѣловъ при подушномъ землепользованіи оказалось затруднительнымъ и дополнительные отводы оставались не использованными.

Послѣ долгой переписи (П. С. З. № 21786) о заселеніи новыхъ угодій и уравниеніи населенія въ отдѣльныхъ колоніяхъ по количеству надѣльной земли изъ дополнительнаго надѣла 1840 года,—53242 десятины, незанятыхъ колонистами, отошли въ 1871 году въ надѣлъ русскимъ крестьянамъ или оставались казенными, не дождавшись т. обр. своихъ собственниковъ, которые въ свою очередь такъ и не дождались переселенія ихъ на новыя мѣста.

Послѣ 1871 года никакихъ уже измѣненій по отводу земли колонистамъ не произошло.

А между тѣмъ еще 29 января 1857 года Министръ Госуд. Имущ. объявилъ колонистамъ, что „никакія заявленія о недостаткѣ земли приниматься не будутъ, такъ какъ у правительства свободной земли нѣтъ“.

Такова исторія о надѣленіи колонистовъ „нужнымъ“ количествомъ земли, именуемая нынѣ самовольнымъ захватомъ нѣмцами колонистами большей части земли Средняго Поволжья.

О качествѣ земли, обѣщанной колонистамъ царскимъ словомъ Русской Императрицы, говорятъ слѣдующіе историческіе документы, авторовъ которыхъ едва ли кто заподозритъ въ пристрастіи.

а) По Высочайшему указу 27 октября 1778 года было признано, что колоніи Поволжья: Золотурнъ, Цюрихъ, Базель, Баратаевка, Гларусъ, Шавгаузенъ, и Цесарсфельдъ въ Николаевскомъ уѣздѣ расположены на мѣстахъ неудобныхъ и солонцеватыхъ, а потому населеніе этихъ колоній (и при томъ очень незначительная часть) было переведено на линію „заводимую между Моздокомъ и Азовомъ“.

б) По Высочайшему Указу 10 іюля 1785 года (П. С. З. № 23408) было повелѣно переселить около 900 семей въ другія сносныя мѣста, т. к. по докладу генераль-губернатора Саратовскаго и Кавказскаго Павла Потемкина 13 колоній (Хайсолъ, Бернъ, Краснорыновка, Кустаревка и нѣкоторыя колоніи Усть-Кулалинскаго округа) поселены на мѣстахъ неудобныхъ, гористыхъ, солонцеватыхъ и къ хлѣбопашеству совсѣмъ неспособныхъ. Изъ 13 колоній были

переселены на новыя мѣста только пять, а 8 осталось на прежнемъ надѣлѣ, выдѣливъ изъ своего состава около 100 семей, ушедшихъ въ колоніи Россочи и Макаровка.

в) По поводу отчетовъ тайнаго совѣтника Габлицъ, командированнаго въ Приволжскія колоніи для разслѣдованія злоупотребленій при раздачѣ земли переселенцамъ, Императоръ Александръ I въ Указѣ отъ 17 апрѣля 1803 года (П. С. З. № 20988) говорить: „я желаю, чтобы бѣдные сии люди (колонисты), перемѣнивъ отечество, нашли всевозможныя пособія и не подвергались тѣмъ тяжкимъ испытаніямъ, кои ощущали первые наши колонисты“.

1) Съ начала 18 столѣтія приволжскіе колонисты въ виду недостатка земельныхъ надѣловъ, плохого качества почвы и отсутствія воды, стали просить разрѣшенія выселиться на Кавказъ (въ Терскую и Кубанскую области) в, несмотря на запрещеніе со стороны начальства, съ 1838 года по 1871 на Кавказъ выселилось 736 душъ мужскаго и 567 душъ женскаго пола (см. Выс. Пов. 25 апрѣля 1868 года).

Это массовое бѣгство изъ Приволжскихъ колоній служить лучшимъ доказательствомъ тому, что ни большихъ, ни богатыхъ угодій по мѣстамъ своей приписки колонисты не получали.

Обращаясь къ статистическимъ даннымъ, по свѣдѣніямъ полученнымъ изъ Новоузенской, Камышинской, Николаевской и Аткарекой Земскихъ Уѣздныхъ Управъ къ настоящему времени, оказывается, что какъ не было положеннаго закономъ 1840 года пятнадцатидесятиннаго надѣла къ 1871 года, такъ подавно нѣтъ его и сейчасъ. Колоній съ надѣломъ на душу меньше 4 десятинъ сколько угодно: въ Новоузенскомъ уѣздѣ 10: Звонаревъ-Куть, Красный Яръ, Старица, Рыбное, Усть-Караманъ, Липовка, Липовъ-Куть, Осиновка, Звонаревка, и Подселенное—(послѣднія двѣ колоніи съ надѣломъ менѣе трехъ десятинъ) и въ Николаевскомъ 22: Волково, Баратаевка, Васильевка (менѣе трехъ), Зоркино (тоже), Баронскъ, Канское, Буеракъ, Золотое, Панинское, Маринское, Михай-

ловка, Рязановка, Александровка, Константиновка, Орловское (меньше трехъ), Березово (тоже), Бордово (тоже), Сосновка (тоже) и Баскаковка. Съ надѣломъ болѣе 8 десятинъ на душу въ Новоузенскомъ уѣздѣ изъ 88 колоній всего 10, а въ Николаевскомъ ни одной, если не считать дополнительныхъ надѣловъ въ сосѣднемъ уѣздѣ.

По официальнымъ свѣдѣнiямъ надѣлы колонiй въ Камыш. уѣздѣ, какъ болѣе раннiе, отведенные до 1840 года, еще меньше чѣмъ въ уѣздахъ завожскихъ: въ среднемъ менѣе 2 десятинъ на одну наличную душу—1,52.

Что касается обвиненiя нѣмцевъ-колонистовъ въ неаккуратномъ платежѣ повинностей, то оно легко и убѣдительно опровергается... цифрами. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ къ 1913 году задолженность по волостямъ распредѣлялось такъ: за волостями съ нѣмецкимъ населенiемъ недоимокъ въ среднемъ на одну десятину земли значится ~~0,87~~ коп., за волостями русскими недоимокъ—1 р. 57 к.; если на одну душу нѣмецкаго населенiя приходится (опять таки въ среднемъ) долгу 0,35 к., то русскiй крестьянинъ не уплатилъ 10 р. 41 к. Приблизительно та же картина наблюдается и въ уѣздахъ Камышинскомъ и Николаевскомъ.

Таковы статистическiя данныя, съ которыми, очевидно, не пожелали ознакомиться лица, утверждающiя, будто нѣмцы-колонисты захватили въ Среднемъ Поволжьѣ большую часть земли за счетъ кореннаго населенiя и своей задолженностью увеличиваютъ % числящейся по губернiи недоимки.

Очень многое можно сказать о тѣхъ причинахъ, которыя поставили нѣмцевъ-колонистовъ въ обособленное положенiе къ коренному населенiю, о причинахъ, по которымъ нѣмцы Приволжскихъ колонiй не знаютъ русскаго языка, почему они живутъ (а вѣрнѣе сказать, жили 20—30 лѣтъ тому назадъ) замкнуто по своимъ селенiямъ. Достаточно напомнить, что колонисты по прибытiю въ Россiю постоянно находились подъ опе-

О незнанiи
русскаго
языка.

617

кой и бдительнымъ надзоромъ начальствующихъ лицъ, неукоснительно стремившихся къ тому, чтобы колонисты не входили въ общеніе съ русскимъ населеніемъ, не смѣли отлучаться съ мѣсть своей приписки и занимались дѣломъ предусмотрѣннымъ предписаніями, инструкціями и циркулярами, а главное, чтобы платили недоимки и установленные сборы. Отношеніе къ колонистамъ со стороны поставленнаго во главѣ ихъ начальства было настолько снисходительно, насколько ему угождали и не одними поклонами и смиреніемъ. О сляніи пришлыхъ колонистовъ съ кореннымъ населеніемъ не только никто не заботился, а наоборотъ: русскихъ крестьянъ возстанавливали противъ колонистовъ, взачески унижая послѣднихъ, высмѣвая ихъ. При спорахъ о надѣльныхъ земляхъ угодливое отношеніе къ русскому населенію подчеркивалось, ставилось въ заслугу чиновнику. Искать защиты въ Саратовской конторѣ, образованной для „опеки иностранныхъ“, безъ взятки или протекціи, не было смысла и колонисты зажили своей замкнутой жизнью, устраиваясь своимъ бытомъ.

Цѣлыя главы въ трудахъ указанныхъ выше авторовъ посвящены жизни колонистовъ въ первое столѣтіе пребыванія ихъ въ Россіи. Туда мы и отсылаемъ лицъ, желающихъ найти факты и доказательства только что сказанному. Мы считаемъ здѣсь достаточнымъ сослаться лишь на законоположенія и циркуляры, задерживавшіе обрусеніе нѣмцевъ Поволжья и препятствовавшіе слянію ихъ съ русскими крестьянами.

Управление колоніями, какъ уже упоминалось выше, во всѣхъ проявленіяхъ жизни полмилліона людей, было ввѣрено особому попечительству въ лицѣ Саратовской конторы.

Воспрещеніе, (даже временной), отлучки изъ своихъ селеній безъ особаго разрѣшенія полиціи, прямой запретъ вступать въ договорныя отношенія, хотя бы словесныя, съ русскими крестьянами, особое устройство волостей, самоуправленіе въ сельскихъ

обществахъ, подчиненіе спеціальному правительственному учрежденію, обязанному сноситься съ подчиненными на нѣмецкомъ языкѣ, зависимость отъ высшихъ властей въ Петербургѣ, а не отъ губернскихъ мѣстныхъ учреждений—все это въ самомъ началѣ пребыванія колонистовъ въ Россіи исключало всякое сношеніе или даже простое знакомство съ кореннымъ населеніемъ (см. Выс. Ут. полож. о корен. селеніяхъ 7 августа 1797 года и данныя Саратовской Конторѣ Опекі Иностранныхъ инструкціи отъ 25 февраля 1770 года, 30 іюня 1797 года и 17 сентября 1800 года).

Опека надъ колонистами доходила до того, что поѣздка изъ села за 50 верстъ требовала разрѣшенія Окружнаго комиссара (дополненіе въ инструкціи 25 февраля 1770 года отъ 9 іюня того же года, и П. С. З. № 19562 и 20841). Своеобразныя отношенія къ новымъ подданнымъ Россіи сохранилось и въ уставѣ о колоніяхъ 1859 года (ч. 2, томъ XII Св. Зак.) и только съ 1871 года колонисты подчинялись дѣйствию общей съ крестьянами регламентаціи.

Законъ о воспрещеніи временной отлучки изъ своихъ селеній былъ отмѣненъ только въ 1850 году. (П. С. З. № 24041), когда выѣздъ изъ селеній сдѣлался болѣе свободнымъ, но переѣздъ изъ одной губерніи въ другую требовалъ все еще разрѣшенія Министра Госуд. Имуществъ.

Лишенные возможности сношенія съ русскимъ населеніемъ колонисты при всемъ своемъ желаніи не могли быть иными, чѣмъ ихъ дѣлали условія жизни.

Попытка болѣе сознательныхъ колонистовъ обезпечить своимъ дѣтямъ знаніе русскаго языка и дать имъ хотя бы какое нибудь образованіе, встрѣчали непреодолимыя препятствія и терпѣли очень долгое время неудачи. Не было ни школъ, ни учителей. Школы открывать не разрѣшалось, а домашнихъ учителей достать было негдѣ. Прибывшіе изъ за границы шульмейстера и вообще лица грамотныя вымирали, а на смѣну имъ никто не являлся.

Ни одной изъ инструкцій, предусматривающихъ до мелочей обыденную жизнь поселенцевъ, не затронуть вопросъ о школьномъ образованіи. Колонисты были обречены на полное невѣжество. Грамотность поддерживалась въ колоніяхъ лишь въ интересахъ вѣроисповѣданія: у католиковъ изученіемъ молитвъ и церковнаго пѣнія при совершеніи мессы, а у протестантовъ умениемъ читать по печатному молитвы.

Обученныхъ и обучающихъ письму почти не было совсѣмъ.

Школьное образованіе въ колоніяхъ фактически все время находилось въ рукахъ нѣмецкаго духовенства, которому оно съ 1815 года перешло по спеціальному закону и, надо сказать правду, школа отъ этого не выиграла. Духовенство тормозило образованіе и ничего хорошаго въ школьное дѣло внести не пожелало. Упреки, которые слышатся по адресу священнослужителей Поволжскихъ колоній за ихъ неумѣніе поднять грамотность своей паствы,—вполнѣ заслуженные упреки и нашли себѣ достойную оцѣнку во всѣхъ изслѣдованіяхъ жизни колоній.

Нечего говорить о томъ, что преподаванія русскаго языка въ школахъ не полагалось. Русскій языкъ былъ недоступенъ и непонятенъ: колонистъ для русскаго человѣка былъ собесѣдникъ *нѣмой*.

Попытка научить колонистовъ русскому языку впервые дѣлается сенаторомъ Габлицъ, который въ 1802 году предложилъ посылать въ Саратовъ главное народное училище по одному мальчику изъ округа, чтобы обезпечить штатъ будущихъ сельскихъ и волостныхъ писарей. До 1809 года училище окончило всего четыре человѣка, а 27 февраля 1909 года Саратовская контора уже пишетъ окружному головѣ Вульфу: „имѣть бдительное наблюденіе за поведеніемъ и занятіемъ и т. д.“ Очевидно, даже относительно образованные колонисты вызывали сомнѣніе въ своей благонадежности и гдѣ-то боялись ихъ дурного вліянія на односельчанъ.

Въ 1815 году ревизія всѣхъ училищъ Саратовской губерніи была поручена профессору Эрдману,

который состояніе школъ въ колоніяхъ нашель „приближающимся къ совершенному упадку“. Для исцѣленія недуговъ колонистскихъ училищъ профессоръ рекомендовалъ цѣлый рядъ нововведеній: учрежденіе учительской семинаріи, обязательное преподаваніе русскаго языка въ школахъ и безусловное изъятіе школьнаго дѣла изъ рукъ духовенства. Докладъ профессора Эрдмана вызвалъ переполохъ среди священнослужителей, пошли возраженія и доносы, именуемые докладами, и въ концѣ концовъ проэктъ провалился: Высочайшимъ указомъ 29 октября 1819 года нѣмецкія школы были закрѣплены за духовенствомъ.

Въ 1815 году пасторъ Конради просить разрѣшенія учредить въ колоніи Лѣсной-Карамышъ школу для обученія 50 колонистовъ дѣтей русскому языку съ содержаніемъ училища платою по 30 руб. съ ученика въ годъ. Не смотря на то, что Контора Опек. Иностр., представляя проэктъ училища на утвержденіе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ доказывала, что русскій языкъ весьма нуженъ, Министерство признало проектируемое училище вреднымъ и, продержавъ прошеніе пастора три года подъ сукномъ, 3 октября 1828 года отвѣтило отказомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что училище едва ли будетъ имѣть успѣхъ „тѣмъ паче, что нѣтъ ничего твердаго ни въ источникахъ содержанія, ни въ приобрѣтеніи способныхъ учителей“.

Въ 1833 году Саратовскій губернаторъ Переверзевъ въ своемъ Всеподданнѣйшемъ отчетѣ доносить, что только немногіе колонисты объясняются по русски и примѣтно стараются избѣгать сообщенія съ русскими. Такое донесеніе возымѣло свое дѣйствіе. По содержанію отчета было затребовано заключеніе Саратовской конторы, которая рекомендовала учредить *пять* отдѣльныхъ русскихъ школъ, по одной на каждые два округа, всего на 306 учениковъ. По Выс. утвержд. положенію комитета министровъ отъ 7 ноября 1833 года повелѣно было: „во избѣжаніи издержекъ потребныхъ на заведеніе пяти школъ ограничится утвержденіемъ только *двухъ*, каждую на 25

учениковъ*. 30 августа 1834 года эти двѣ школы для изученія русскаго языка торжественно были открыты въ Екатериненштаѣ и Лѣсномъ Карамышѣ. Такимъ образомъ, черезъ 70 лѣтъ послѣ прибытія въ Россію, было, наконецъ, разрѣшено обучать дѣтей русскому языку и въ количествѣ 50 человекъ на полмилліона народа.

При открытіи означенныхъ училищъ не было дано никакой программы и отъ поставленныхъ во главѣ училищъ пасторовъ зависѣло дать то или иное направленіе учебному заведенію. Какъ и слѣдовало ожидать, обученіе дѣтей пошло скверно: главенствовалъ все тотъ же шульмейстеръ—дьяконъ, а учителей, знающихъ русскую грамоту, не нашлось; ученики разбѣгались, ничему не научившись.

Въ 1859 г. оба училища были соединены въ одно Екатериненштатское центральное училище на 50 учениковъ, имѣющее цѣлью подготовить знающихъ русскій языкъ сельскихъ учителей для колоній.

Въ 1863 году состоялся выпускъ (въ числѣ 15 человекъ), окончившихъ курсъ этого перваго въ Приволжскихъ колоніяхъ училища для изученія русскаго языка съ программой выше училища начальнаго. Эти 15 человекъ по мысли законодателя должны были распространить знаніе русскаго языка въ колоніяхъ и занять мѣста учителей въ сельскихъ церковныхъ школахъ.

Всего три человека согласились занять предназначенныя имъ должности, остальные двѣнадцать воспитанниковъ быть подъ начальствомъ духовенства не пожелали и предпочли мѣста сельскихъ писарей.

Ровно сто лѣтъ ждали колонисты возможности научиться русской грамотѣ и дождались трехъ учителей на 104 колоніи.

Послѣ усиленныхъ ходатайствъ, въ 1863 году было открыто второе центральное училище на подобіе Екатериненштатскаго въ с. Лѣсномъ-Карамышѣ. Открытіемъ этого училища и ограничилось правительство въ своихъ заботахъ о „скорѣйшемъ“ обрусеніи нѣмецкихъ колоній.

Съ введеніемъ закона 4/16 іюня 1871 года колонисты вздохнули свободнѣе, но далеко еще не полной грудью. Стѣсненія, учиняемыя школьному дѣлу начальствомъ народныхъ училищъ въ колоніяхъ, извѣстны всемъ, кто интересуется постановкой дѣла образованія сельскихъ обывателей вообще, а колонисты, какъ инородцы, со стороны услужливыхъ чиновниковъ, пользовались, конечно, особымъ вниманіемъ. Но все же доступъ въ школы сталъ свободенъ, возможность учиться была дана и этой возможностью колонисты широко воспользовались. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія среди колонистовъ было много лицъ получившихъ образованіе въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, а въ настоящее время колонистъ съ дипломомъ университета-явленіе заурядное и не мало изъ нихъ занимаетъ сейчасъ видное общественное и высокое служебное положеніе. Есть поселанки-собственницы, имѣющія дипломы врачей, агрономовъ, домашнихъ учителей. Не мало женщинъ изъ колонистокъ занимаютъ сейчасъ мѣста школьныхъ учителей въ русскихъ селахъ.

Представленное колонистамъ право участвовать на земскихъ и городскихъ выборахъ окончательно сблизило ихъ съ русскимъ населеніемъ. Общность интересовъ особенно ярко сказывается въ работѣ по земскому самоуправленію.

Во всехъ уѣздахъ Самарской и Саратовской губерній съ нѣмецкимъ населеніемъ за послѣдніе 25—30 лѣтъ въ числѣ земскихъ гласныхъ есть колонисты, а въ составѣ земскихъ управъ имѣется представитель отъ нѣмецкихъ колоній, избираемый голосами не однихъ поселанъ-собственниковъ. Имѣли нѣмцы Поволжья своихъ представителей и въ числѣ депутатовъ Государственной Думы (Я. Е. Дицъ, А. П. Клингъ, Н. И. Ротермель и Г. Х. Шельгорнь).

Вообще законодательная реформа 1871 года въ жизни колонистовъ сыграла не малую роль и не замедлила дать благотворные результаты. Теперь не рѣдкость увидѣть нѣмца ремесленника, торговца, арендатора въ русскомъ селѣ; русскій крестьянинъ

селится и прекрасно уживается въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Коренное населеніе оцѣнило качество нѣмца, а нѣмецъ пошелъ въ русское село, гдѣ дружить и родниться съ русскимъ крестьяниномъ. Колонистъ понимаетъ рѣчь русскаго и все рѣже прибѣгаетъ къ услугамъ переводчиковъ. Нынѣшняя молодежь изъ нѣмцевъ изучаетъ русскій языкъ не только въ школѣ, но знаетъ его и на практикѣ. Есть колонисты, что говорятъ только по русски, никогда не знали языка своихъ предковъ и давно перешли въ православіе.

Тѣ, кто говоритъ сейчасъ о приволжскихъ колонистахъ какъ о части населенія Россіи, живущемъ обособленно, замкнуто въ своихъ селахъ, говоритъ не на основаніи наблюденій послѣднихъ десятилѣтій, а вѣритъ отживающимъ рассказямъ полуграмотныхъ стариковъ. Нѣмцы колонисты постепенно сливаются съ русскимъ крестьяниномъ въ одну общую семью.

Правдивое изложеніе требуетъ отъ насъ упоминанія о томъ недавнемъ времени, когда нѣмецъ колонистъ дѣйствительно держалъ себя обособленно и не пошелъ вмѣстѣ и за русскимъ крестьяниномъ. Это недавнее время—событія 1905 года, когда зарево пожара охватило усадьбы помѣщиковъ и крупныхъ арендаторовъ земли, когда крестьянскія общества, охваченныя освободительномъ движеніемъ, своеобразно поняли свои обязанности передъ родиной. Ни одно общество ста четырехъ нѣмецкихъ колоній въ 1905 году не двинулось съ мѣста противъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, ни одинъ колонистъ не откликнулся на призывъ къ насилию и грабежу и если Законъ 2 февраля 1915 года есть продуманное возмедіе за эту проявленную лояльность, есть сознательное наказаніе за отказъ идти противъ властей рука объ руку съ кореннымъ населеніемъ, то пусть свершится правосудіе и воздастся должное должному.

Еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, когда колонисты были свободны отъ воинской повинности въ силу призывнаго Манифеста, и когда, слѣдовательно, не было никакихъ основаній объяс-

объ эмиграціи.

нять уходъ изъ Россіи желаніемъ избѣжать службу въ русской арміи, случаи оставленія колонистами береговъ Поволжья были не рѣдкость. Колонисты бросали предназначенныя имъ мѣста въ виду недостатка удобной земли и отсутствія заработка. Идея эмиграціи манила не однихъ колонистовъ, ею прельщались и русскіе крестьяне. Экономическія условія жизни вынуждали къ тому, чтобы искать себѣ лучшаго пристанища и люди уходили на Кавказъ, направлялись въ Сибирь, Акмолинскую область, переѣзжали въ Америку. Поднимались съ мѣстъ цѣлыми семьями, забирая съ собой стариковъ и малышей. И количество отбывающихъ замѣтно увеличивается послѣ годовъ неурожайныхъ.

Статистика о выбывшихъ за границу колонистахъ показываетъ, что наибольшій % эмигрантовъ за послѣднія десятилѣтія приходится на 1893 годъ (неурожайный, холерный 1892 годъ) и 1906 годъ (послѣ Японской войны).

Въ книгѣ „Новоузенскій уѣздъ“ изданія Земства за 1903 г. (см. въ концѣ перваго отдѣла) по затронутому вопросу можно найти много цѣннаго матеріала, а выводы изъ нихъ далеко не въ пользу тѣхъ государственныхъ мужей, которые хотятъ въ простомъ фактѣ отлива населенія Россіи въ Америку видѣть доказательства тяготѣнія къ „фатерланду“ или разительные примѣры уклоненія цѣлаго района населенія отъ воинской повинности. Мы утверждаемъ, что изъ выбывающихъ за границу нѣмцевъ-колонистовъ Поволжья ни одно семейство не обосновалось на жительствѣ въ Германіи или Австріи, ни одинъ колонистъ, покинувшій Америку, не останавливался на своемъ обратномъ пути въ Россію, а спѣшилъ домой въ свои Поволжскія колоніи, куда и привозилъ добытыя за океаномъ сбереженія. Владѣнія Германской Имперіи проѣзжались спокойно, не интересуя эмигранта ни какъ родина предковъ, ни какъ обѣтованная земля. У себя, въ Россіи, онъ находилъ опять земельное хозяйство, прежнюю работу, оставленныхъ родственниковъ и воспоминанія дѣтства.

Когда по количеству выбывшихъ изъ колоній лицъ и неявившихся къ набору новобранцевъ опредѣляютъ число уклонившихся отъ воинской повинности колонистовъ, то упускаютъ изъ вида два существенныхъ обстоятельства. Во первыхъ, забываютъ, что не всѣ получающія увольнительные приговоры и отсутствующія съ мѣста приписки лица находятся за границей. Цыфры, эти достовѣрные свидѣтели, говорятъ иное. Такъ, напр., въ Степновской волости Новоузенскаго уѣзда, давшей наибольшій % убыли населенія за послѣднιά двадцать лѣтъ, въ 1904 году изъ 4841 души выселившихся—1829 человекъ находилось въ Америкѣ, и 3012 разѣялись въ Россійской Имперіи, а въ 1915 году 3582 человека числилось въ Америкѣ, а 3316 въ предѣлахъ Россіи. Сколько въ этой массѣ лицъ подлежащихъ отбытію воинской *повинности установить не удалось, т. к. подъ руками имѣются лишь свѣдѣнія объ отдѣльныхъ единицахъ населенія, безъ указанія возраста и пола.

Второе обстоятельство, заслуживающее вниманія при подсчетѣ нѣмцевъ-колонистовъ неявляющихся къ набору, — это неосвѣдомленность волостныхъ правленій о томъ, кто изъ покинувшихъ свое село до призывного возраста ко времени жеребьевки остался въ живыхъ и кто уже померъ. О нарождающихся свѣдѣнія давались всегда охотно, даже изъ Америки (съ понятной цѣлью получить на лицо мужского пола земельный надѣлъ), а объ умершихъ умалчивали и даже скрывали. Очень часто ребенокъ умираетъ еще по дорогѣ въ Америку, а его числили на учетѣ въ волостномъ правленіи, и по такимъ даннымъ исчисляли %%% уклоняющихся отъ набора.

Переселеніе на новыя мѣста есть вообще явленіе характера экономическаго и причину такого переселенія слѣдуетъ прежде всего искать въ матеріальной сторонѣ дѣла, а потомъ уже подыскивать причины изъ области психологіи или политическихъ убѣжденій. Доколѣ же будетъ безспорно, что на

Кавказѣ, въ Сибирѣ, въ Америкѣ переселенцамъ жилось лучше, чѣмъ на Волгѣ, до тѣхъ поръ эмигрантъ (будь то нѣмецъ или русскій), какъ благонамѣренный подданный, долженъ стоять внѣ подозрѣній.

Никто не отрицаетъ того, что нѣкоторые гѣмцы-колонисты призывного возраста уѣзжали изъ Россіи съ цѣлью избѣгнуть воинской повинности. Какъ никто не станетъ отрицать, что среди коренного населенія замѣчаются случаи членовредительства, есть примѣры симуляціи обороны страны въ должностяхъ ночныхъ сторожей, фабричныхъ извозчиковъ, портныхъ.

Но слѣдуетъ ли изъ того, что существуютъ членовредители и есть ночные сторожа изъ богатыхъ купчиковъ, портные, не державшіе никогда въ рукахъ иглы,—слѣдуетъ ли изъ этого, что русскіе населеніе не дало миллионовъ людей для арміи и что нынѣшняя война бѣдна героями. Слѣдуетъ ли далѣе изъ того, что въ единичныхъ случаяхъ нѣмцы-колонисты укрываются отъ набора въ Америкѣ—безпристрастный и правдивый выводъ, будто поволжскіе колонисты тяготеютъ къ Германіи и что ихъ мало сейчасъ въ дѣйствующей арміи?

Въ заключеніи нельзя не сказать о томъ, что за послѣдніе дѣсятки лѣтъ эмиграція колонистовъ въ Америку не только не преслѣдовалась, а наоборотъ: она правительствомъ поощрялась. Достаточно указать на разрѣшенныя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ центрѣ Поволжья конторы, рассылавшія своихъ агентовъ по колоніямъ съ предложеніями выгоднаго переѣзда черезъ океанъ и безпрепятственно рекламировавшія пароходныя предпріятія, не стѣняясь размѣромъ и содержаніемъ вывѣсокъ на заборахъ и домахъ.

Приходится говорить, наконецъ, о томъ обвиненіи, которое столь же возмутительно нелѣпо, какъ и тяжело обидно. Мы говоримъ о неблагонадежности нѣмецкихъ колонистовъ, какъ русскихъ подданныхъ, объ измѣнѣ родинѣ и предательствѣ. Защищаться противъ такого клеветничества увѣреніями въ преданности престолу

Объ отсут-
ствіи патріо-
тизма и о
предатель-
ствѣ.

и своихъ чувствахъ къ Россіи мы считаемъ ниже своего достоинства, такъ безжалостно поруганнаго и такъ жестоко осмѣяннаго. Пусть за насъ говорятъ голые факты и все тѣ же безпристрастныя цыфры.

Участіе нѣмецкихъ-колонистовъ Поволжья въ матеріальной помощи Россіи во время войны выразилось впервые въ 1807—1809 годахъ, когда страна переживала тяжелое время нашествія французовъ. Только что прибывшіе тогда изъ-за границы колонисты собрали среди своей братьи по волостямъ 45439 рублей,— сумму по тогдашнему времени колоссальную, въ особенности если принять во вниманіе необустройство колоній и собственную нужду. Одна Тонкошуровская волость представила въ распоряженіе правительства 10225 рублей (Хованскій, „Участіе Саратовской губ. въ Отечественную войнѣ“, изданіе 1912 года). Потомъ, когда закономъ 1871 года воинская повинность сдѣлалась обязательной и для колонистовъ, помощь воюющей Россіи стала выражаться не въ однѣхъ деньгахъ. Русско-Турецкая компанія, а затѣмъ недавняя Японская война насчитываютъ тысячи участниковъ и сотни героевъ изъ нѣмцевъ-колонистовъ, доблестные подвиги которыхъ вошли въ исторію отдѣльныхъ воинскихъ частей. И мысль о ненадежности русскаго солдата, призваннаго изъ нѣмецкой колоніи, казалась бы тогда дикой.

Въ рядахъ русскаго войска сейчасъ болѣе человекъ колонистовъ Поволжья и всѣ они съ готовностью пошли на общее дѣло, безъ ропота и протеста, пошли на подвигъ, на встрѣчу смерти.

Условія времени не позволяютъ намъ дѣлать ссылки на численный составъ той или другой воинской части, цитировать выдержки изъ воинскихъ приказовъ, гдѣ отмѣчены имена героевъ съ нѣмецкими фамиліями Поволжскихъ колоній. Кто имѣетъ возможность и желаніе убѣдиться въ правдивости сказаннаго, пусть не сочтетъ за бесполезный трудъ просмотрѣть отзывы о нѣмцахъ-колонистахъ по приказамъ воинскихъ частей, расположенныхъ по Кав-

казскому фронту и въ частности донесенія по поводу взятія крѣпости Эрзерумъ. Интересны рапорты командировъ дивизій и слова благодарности героя побѣдныхъ дѣйствій на Кавказѣ, генерала Юденичъ. Возвратившійся съ Галиційскаго фронта Членъ Государственной Думы А. М. Масленниковъ еще въ 1914 году официально заявилъ въ своей думской рѣчи, что „наши нѣмцы-колонисты пользуются общимъ уваженіемъ, какъ стойкіе, храбрые солдаты“.

Когда съ боевого фронта до насъ стали доходить вѣсти о случаяхъ добровольной сдачи въ плѣнъ, нашлись любители изслѣдователи, которые развязно убѣждали, будто никто другой, какъ солдаты изъ нѣмцевъ-колонистовъ позорятъ честь русской арміи. Какъ и слѣдовало ожидать, надежды доносителей не оправдались: по уѣздамъ Саратовской и Самарской губерній съ нѣмецкимъ населеніемъ %/о семей, лишенныхъ пайка за измѣну ихъ представителей родинѣ, гораздо выше среди русскихъ, чѣмъ у колонистовъ. Томленіе въ плѣну, невольномъ, вынужденномъ, есть несчастіе, а не позоръ и, во всякомъ случаѣ, до окончанія войны рано еще дѣлать выводы о поведеніи тѣхъ воинскихъ частей, которыя, имѣя въ своемъ составѣ много нѣмцевъ-колонистовъ, не оказались побѣдителями, а вынуждены были отступить вмѣстѣ со своими офицерами. Заслуги прапорщиковъ изъ колонистовъ Поволжья, по распубликованнымъ свѣдѣніямъ о боевыхъ наградахъ, о повышеніи въ чинахъ и по спискамъ убитыхъ, выше всякой похвалы.

Что можно, наконецъ, отвѣтить на голословное утвержденіе о шпіонствѣ нѣмцевъ-колонистовъ въ пользу воюющихъ съ Россіей державъ? Клеветника не убѣдишь,—это ему не выгодно. Сплетня, злая и гнусная, растетъ, пока не дойдетъ, наконецъ, до своего предѣла и не распылится сама собой. Слава Богу, до своего предѣла сплетня о шпіонствѣ колонистовъ уже доходитъ. По крайней мѣрѣ, за послѣднее время слухи о шпіонажѣ организованномъ и единичномъ дѣлаются все рѣже. А вотъ что гово-

рять человекъ, враждебно настроенный противъ нѣмцевъ,—помощникъ военнаго прокурора А. С. Резановъ въ своей книгѣ „Нѣмецкое шпіонство“ (изданіе Суворина за 1915 годъ): „не только въ нашей практикѣ (авторъ указываетъ на сто слишкомъ процессовъ) не встрѣчалось дѣлъ по обвиненію нѣмецкихъ-колонистовъ въ шпіонствѣ, но мы вообще не знаемъ, чтобы дѣла такого рода служили предметомъ еудебнаго разбирательства (стр. 244).“

Ссылкой на такой авторитетъ пока мы только и можемъ ограничиться и увѣрены, что безпристрастная исторія, свободная ссылаться на весь матеріаль, на всѣ данныя, поможетъ намъ сказать много больше.

Какъ въ нынѣшнюю войну отозвались Приволжскія колоніи матеріальной помощью, объ этомъ достаточно подробно говорятъ профессоръ Линдеманъ: „законы 2 февраля и 13 декабря 1915 года“ (въ дополнительномъ изданіи 1916 года, на страницѣ 153—155).

Нѣмцы Поволжья содержатъ съ начала войны семь лазаретовъ для раненныхъ (у проф. Линдеманъ не указаны два лазарета, содержимые въ Саратовѣ мѣстнымъ лютеранскимъ обществомъ). Только по 1 іюня 1915 года нѣмецкія колоніи дали около ста тысячъ рублей деньгами и не меньше обувью, бѣльемъ и продуктами. Кромѣ того пожертвованія были на Красный Крестъ, въ полевой евангелической лазаретъ, на георгиевскихъ кавалеровъ; пожертвованія поступаютъ и понынѣ. Гдѣ только нужно, тамъ нѣмцы-колонисты Поволжья откликаются бодро и охотно несутъ свою посильную лепту. Они жертвуютъ благами своего хозяйства, жизнью и здоровьемъ своихъ дѣтей. И какъ бы ни ограничивались ихъ права, какъ бы ни умалялись ихъ достоинства, колонисты будутъ упорно доказывать свою принадлежность къ одной русской семьѣ и, въ твердомъ сознаніи единства родины, ждать и вѣрить въ конечную побѣду Россіи.

Въ самомъ началѣ нашей работы мы указали, что по буквальному толкованію на поселянъ-собственниковъ Саратовской и Самарской губерній распространяется дѣйствіе закона 2 февраля 1915 г. Такъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ законъ толкуется судебными и административными учреждениями. Если такое примѣненіе ограничительныхъ нормъ по отношенію къ поволжскимъ колонистамъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному смыслу закона, вопреки всякимъ соображеніямъ моральнаго свойства и простому понятію справедливости, то гдѣ найти отвѣтъ на вопросъ: кому новый законъ принесъ выгоды и для какой цѣли онъ изданъ? Уже выше было указано, что нѣмцы Поволжья ни по своему историческому прошлому, ни по своимъ качествамъ настоящаго времени, карательныхъ законовъ не заслужили.

Особое вниманіе, оказанное приволжскимъ колонистамъ сторонниками борьбы съ нѣмецкимъ заливомъ, тѣмъ болѣе не понятно, что вопросъ о значеніи колонистовъ въ развитіи сельскаго хозяйства и промышленности цѣлаго края давно разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Манифестъ 1763 года приглашалъ въ Россію людей на культурный трудъ, для физической работы, а туеядцамъ, искателямъ приключеній и аферистамъ рекомендовалось оставаться на своихъ мѣстахъ за границей. Работоспособный, здоровый, выносливый колонистъ, поселившійся на берегахъ Волги полтора ста лѣтъ тому назадъ, долженъ былъ и оказать то вліяніе, которое предусмотрѣла Екатерина Вторая. Съ появленіемъ иностранныхъ поселенцевъ коренное населеніе имѣло возможность ознакомиться съ новыми орудіями земледѣлія и лучшими способами обработки полей и огородовъ. Колонисты научили разводить улучшенную породу скота и возводить болѣе удобныя надворныя постройки. Цѣлая отрасль промышленности-выработка сарпинки, получившей нынѣ россійскую извѣстность, вызвала подражателей среди русскихъ крестьянъ и сейчасъ многія семьи въ русскихъ деревняхъ находятъ себѣ въ зимнее время добавочный заработокъ въ этомъ

кустарномъ трудѣ. Мукомольное дѣло въ своемъ надлежащемъ развитіи и широкомъ распространеніи въ Саратовской губ. обязано энергіи все тѣхъ же колонистовъ Поволжья. Ни по роду занятій, ни по характеру своей дѣятельности колонисты Поволжья не вызывали нареканій или недовольства коренного населенія. Да и чѣмъ могли нѣмцы-колонисты вредить или мѣшать кореннымъ жителямъ Россіи, а въ настоящее время войны въ особенности?... Скупкой земельныхъ угодій они никогда не промышляли, и лишены были этой возможности еще до начала военныхъ дѣйствій съ Германіей, такъ какъ по уставу Крестьянскаго Земельнаго банка не получаютъ ссуды при покупкѣ имѣній. Пользоваться моментомъ, когда крестьянинъ земледѣлецъ ушелъ на войну, и его земля, слѣдовательно, остается праздно-лежащей, попытки не было и не могло быть потому, что нѣмецъ хлѣбопашецъ самъ отозванъ въ армію.

А между тѣмъ—если законъ, запрещающій приволжскимъ колонистамъ покупать и снимать въ аренду земельныя угодья въ уѣздахъ, останется въ своей силѣ еще лѣтъ 20—25, то сотня тысячъ людей, хлѣбопашцевъ по роду своихъ занятій, обречены на бездѣліе и неминуемую нужду: на двухдесятинномъ полѣ, при естественномъ увеличеніи населенія, хозяйства, конечно, вести нельзя и самый аккуратный колонистъ или: долженъ бросить земледѣліе и уйти на отхожій промыселъ, или поступить такъ, какъ того, видимо, хочетъ законодатель: оставить предѣлы Россіи, откуда его фактически выселяютъ.

Это въ будущемъ, а въ настоящее время примѣненіе закона 2 февраля 1915 г. вызвало уже цѣлый рядъ нежелательныхъ послѣдствій, столь же бесполезныхъ, какъ и несправедливыхъ.

Ежегодно нѣмцы-колонисты снимали въ Новоузенскомъ уѣздѣ казенные участки, дававшіе миллионы пудовъ зерна въ годъ: благодаря новому закону земля эта осталась въ большей своей части незасѣянной.

На арендованныхъ участкахъ въ Камышинскомъ уѣздѣ колонисты строили кожевенные заводы и му-

комольныя мельницы. Вслѣдствіе новаго закона многіе заводы и мельницы за окончаніемъ срока аренды земли пришлось снести, а замѣстителей арендаторовъ не находится.

По ямскимъ трактамъ отъ г. Саратова колонисты снимали постоянные двory и гоняли ямщину, обслуживая нѣсколько уѣздовъ губерніи. Новый законъ лишилъ колонистовъ права аренды недвижимаго имущества на новые сроки и заарендованные подъ постоянные и ямскіе двory хутора—пустуютъ.

Ростъ промышленной дѣятельности въ области кожевенныхъ и шерстяныхъ издѣлій вызываетъ необходимость возведенія новыхъ построекъ для мастерскихъ и заводовъ: у сосѣда есть пустопорожнее мѣсто, а арендовать или купить его нельзя и столь нужное сейчасъ Россіи дѣло останавливается въ своемъ развитіи.

Сельское общество хочетъ выстроить школу или больницу: есть подходящее мѣсто для постройки нужнаго зданія, а законъ 2 февраля 1915 года пріобрѣтать мѣсто запрещаетъ.

Нѣмецъ-колонистъ, скопившій себѣ небольшія сбереженія службой мастераго на заводѣ или приказчика лавки въ городѣ, еще до изданія закона 2 февраля 1915 года, купилъ себѣ усадебное мѣсто или отрубной участокъ. Всю жизнь мечталъ онъ вернуться къ занятію своихъ отцовъ и остатокъ дней прожить въ родной для него обстановкѣ. Деньги за пріобрѣтенную недвижимость уплачены при совершеніи акта продажи и купчая крѣпость уже отослана на утвержденіе старшаго нотаріуса. Вмѣсто ожидаемыхъ документовъ черезъ два три года послѣ ихъ совершенія получается на печатномъ бланкѣ увѣдомленіе о томъ, что купчая крѣпость въ виду закона 2 февраля 1915 года утверждена быть не можетъ и что сторонамъ предоставлено право въ двухнедѣльный срокъ обжаловать надлежащимъ порядкомъ постановленіе старшаго нотаріуса. Окружной судъ, а за нимъ и Саратовская Судебная Палата на точномъ основаніи закона, ограничивающаго права потомковъ

подданныхъ Германіи или Австрін, постановленіе объ отказѣ въ утвержденіи акта продажи оставляетъ въ сидѣ. Продавецъ, получившій деньги впередъ, успѣлъ ихъ помѣстить въ к-н. дѣло, или уже прожилъ, а покупательъ и безъ денегъ, и безъ недвижности. Правда, у него есть возможность отыскивать уплоченную покупную сумму судебнымъ порядкомъ, но для этого надо разыскивать продавца, а главное найти у него имущество, подлежащее аресту и продажѣ. (Крестьянскіе земельные надѣлы не подлежатъ отчужденію съ публичнаго торга за долги ихъ собственниковъ). Почему въ такихъ случаяхъ долженъ страдать покупательъ, документы котораго старшій нотаріусъ не удосужился просмотрѣть раньше двухъ лѣтъ? Чѣмъ виноватъ этотъ „потомокъ“ германскаго подданнаго, если онъ еще до войны съ Германіей не предусмотрѣлъ закона, который будетъ имѣть обратную силу и сдѣлка, совершенная на основаніи дѣйствующихъ правилъ, окажется ничтожной въ силу закона, объ изданіи котораго въ моментъ ея совершенія никто и не помышлялъ? И какъ долженъ себя чувствовать такой безправный покупательъ, когда одновременно съ увѣдомленіемъ объ отказѣ въ утвержденіи купчей крѣпости онъ получаетъ объявленіе о смерти сына, сраженнаго при атакѣ германскихъ окоповъ? Какими слезами онъ сегодня оплакиваетъ утрату своего дѣтища и съ какимъ чувствомъ онъ будетъ завтра снаряжать въ дѣйствующую армію своего внука?..

Несправедливость закона 2 февраля 1915 года сказала уже и на другихъ примѣрахъ.

Опекуны надъ имуществомъ малолѣтнихъ поселанъ-собственниковъ отдали сиротскія деньги подъ залогъ недвижимаго имѣнія въ уѣздѣ; за неплатежъ долга заложенное имѣніе назначается въ публичную продажу. Залогодержатель не имѣетъ права участвовать на торгахъ, оставлять имѣніе за собой и въ результатѣ страдаютъ интересы малолѣтнихъ сиротъ.

Вдова убитаго на войнѣ солдата, перебираясь въ городъ, хочетъ продать земельный надѣлъ свое-

Му односельчанину. Надо искать коренного русскаго крестьянина, которому въ чужое село забираться не охота и земля лежитъ безъ хозяина и призора.

Законъ 2 февраля 1915 года запрещаетъ приоб- рѣтать недвижимость въ уѣздѣ не только у корен- ного русскаго, но и у своего односельчанина. Какъ будто для правительства не безразлично—владѣть ли землей нѣмецъ Шмидтъ или нѣмецъ Миллеръ, владѣть ли общество поселянъ-собственниковъ или единолично членъ этого общества? Если искать смыслъ закона въ намѣреніи творцовъ его предуп- редить скупку земель въ уѣздѣ нѣмцами-колониста- ми у русскихъ крестьянъ и помѣщиковъ, или въ желаніи сохранить землепользованіе въ рукахъ ко- ренного населенія, то можно еще найти мотивы его изданія. Но когда законодательный актъ въ своемъ основаніи, какъ причину возникновенія, имѣетъ цѣлью ограничить правоспособность русскаго поддан- наго только потому, что этотъ подданный нѣмецъ по происхожденію, какъ потомокъ выходцевъ Гер- маніи или Австріи 150 лѣтъ тому назадъ, то такое разсужденіе сводится къ наказанію за несуществую- щее преступленіе или проступокъ, сводится къ тому, что историческое событіе хотятъ поставить въ вину тѣмъ лицамъ, которыя менѣе всего въ немъ повин- ны. И остается непонятнымъ, почему за ошибку, до- пущенную Императрицей Екатериной II, долженъ отвѣчать приволжскій колонистъ?

А ратникъ ополченія изъ приволжскихъ коло- нистовъ, участникъ Японской войны, ждетъ очередной очереди и размышляетъ надъ тѣмъ, кто же погубитъ его семью: гнусный турокъ, способный выстрѣлкой замучить отца—кормильца или негодяйскій ставъ, который можетъ явиться испол- нителемъ закона, преслѣдующаго въ двадца- тыхъ годахъ двѣнадцатыхъ годовъ анскихъ выходцевъ 1763 года?...

С В Ъ Д Ъ Н І Я

о количествѣ надѣльной земли и задолженности (по Новоузенскому уѣзду) поселянъ собственниковъ Самарской и Саратовской губерній по официальнымъ справкамъ Уѣздныхъ Земскихъ Управъ*).

Наименованіе уѣзда.	Количество надѣльной земли.	Числодушъ мужского пола.	Причисляется земли на одну душу.	Примѣчаніе
Саратовскій уѣздъ	13093,30	5016	2,61	
Камышинск. уѣздъ	309592,5	203775	1,52	
Аткарскій уѣздъ	27952,0	5431	5,15	Всего 2 вѣ въ уѣздѣ
По Саратов. губерніи	350637,8	214222	1,63	
Новоузенск. уѣздъ	552280,0	126435	4,37	
Николаевск. уѣздъ	159446,60	54664	2,92	
По Самар. губерніи	711726,6	180999	3,93	
По двумъ губерніямъ	1062364,4	395221	2,69	
Въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи къ 1914 году задолженность волостей съ нѣмецкимъ населеніемъ				